

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Б95

Художественное оформление — *А. Иванова*
Оформление макета — *О. Лёвкин*
Литературный редактор — *Т. Дегтярева*
Координатор проекта — *А. Яковлева*

Быков, Дмитрий Львович.

Б95 Лекции по русской литературе XX века. Том 1 /
Дмитрий Быков. — Москва : Эксмо, 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-04-102556-4

Эта книга — первая часть четырёхтомника, посвящённого русской литературе двадцатого века. Каждая глава — страница истории глазами писателей и поэтов, ставших свидетелями главных событий эпохи, в которой им довелось жить и творить.

В первый том вошли лекции о произведениях таких выдающихся личностей, как Чехов, Горький, Маяковский, Есенин, Платонов, Набоков и другие.

Дмитрий Быков будто возвращает нас в тот год, в котором была создана та или иная книга.

Книга создана по мотивам популярной программы «Сто лекций с Дмитрием Быковым».

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

© Быков Д., 2019
© ООО Телеканал Дождь
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-102556-4

Оглавление

От автора	7
Леонид Андреев. «МОЛЧАНИЕ», 1900	9
Дмитрий Мережковский. «ВОСКРЕСШИЕ БОГИ. ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ», 1901	20
Максим Горький. «НА ДНЕ», 1902	29
Валерий Брюсов. «URBI ET ORBI», 1903	40
Антон Чехов. «ВИШНЁВЫЙ САД», 1904	52
Александр Куприн. «ПОЕДИНОК», 1905	61
Максим Горький. «МАТЬ», 1906	72
Фёдор Сологуб. «МЕЛКИЙ БЕС», 1907	87
Михаил Кузмин. «АЛЕКСАНДРИЙСКИЕ ПЕСНИ», 1908	94
Сборник «ВЕХИ», 1909	109
Надежда Тэффи. «ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ», 1910	120
Александр Блок. «НОЧНЫЕ ЧАСЫ», 1911	132
Анна Ахматова. «ВЕЧЕР», 1912	144

Андрей Белый. «ПЕТЕРБУРГ», 1913	158
Владимир Маяковский. «ОБЛАКО В ШТАНАХ», 1914	168
Иван Бунин. «ГОСПОДИН ИЗ САН-ФРАНЦИСКО», 1915	183
Алексей Толстой. «ЕГОР АБОЗОВ», 1916	188
Борис Пастернак. «СЕСТРА МОЯ – ЖИЗНЬ», 1917	198
Василий Розанов. «АПОКАЛИПСИС НАШЕГО ВРЕМЕНИ», 1918	209
Зинаида Гиппиус. «ПЕТЕРБУРГСКИЕ ДНЕВНИКИ», 1919	218
Евгений Замятин. «МЫ», 1920	226
Николай Гумилёв. «ШАТЁР», «ОГНЕННЫЙ СТОЛП», 1921	237
Илья Эренбург. «НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ХУЛИО ХУРЕНИТО», 1922	249
Викентий Вересаев. «В ТУПИКЕ», 1923	257
Исаак Бабель. «КОНАРМИЯ», 1924	264
Сергей Есенин. «ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК», 1925	274

Редактор телеканала «Дождь» Александра Яковлева сказала однажды:

— Никто и не вспомнит, что этот цикл вместе с вами делала я. Вы меня хоть в предисловии упомяните.

Думаю, всё это предисловие должно быть одним большим посвящением Саше Яковлевой и благодарностью ей. Когда я пришёл однажды в гости на телеканал «Дождь», его создательница Наташа Синдеева спросила меня, какие программы я мог бы вести, и я придумал «Сто лет — сто книг». Берутся сто главных, с моей точки зрения, русских книг XX века, и про каждую коротко рассказывается.

Никто тогда не верил, что мы запустим этот цикл и доведём его хотя бы до середины. Я занимался им, честно сказать, только потому, что это давало мне возможность периодически видеть Сашу Яковлеву и на том же «Дожде» с ней обедать. Записывать лекции в присутствии Саши Яковлевой — большое удовольствие. Она как-то так умеет смотреть и слушать, что тебе даже начинает казаться: ты живёшь не напрасно и делаешь всё это тоже не зря.

Большинство цитат в этих лекциях — кроме совсем уж важных случаев — приводится по памяти, потому что мне стыдно было перед Сашей Яковлевой лазить в айфон и зачитывать фрагменты чужих текстов. Пусть будут неточности, у нас же не диссертация, слава богу. И вообще при редакци-

ровании этого текста мы старались не слишком сглаживать прямую речь, чтобы сохранить непосредственность и подарить вам эффект присутствия.

Выбор книг субъективен. Выбор автором телеканала «Дождь» в качестве партнёра тоже субъективен — но больше меня на такой проект никто не позвал, а «Дождю» спасибо. Вообще же делал я всё это не ради народного просвещения или там денег (про деньги особенно смешно), а для удовольствия, которое получал не только во время записи, но и во время обедов с Сашей Яковлевой. И фотография тут должна быть не моя, а её. Гораздо эстетичнее будет.

Но пока придётся вам представлять её заочно. На что похожа Саша Яковлева? На десятиклассницу, вместе с которой мы только что выиграли олимпиаду по литературе образца года эдак 1983-го. Только что мы были соперниками, но вот поделили призовые места, и я по осеннему парку, под вечерним солнцем провожаю её домой. Или, если угодно, она похожа — то есть мне она напоминает — на сонату номер 8 Бетховена, более известную как Патетическая. Вот там есть третья часть, это прямо про Сашу Яковлеву.

Так что все эти лекции — про любовь, хотя и платоническую, вроде любви к русской литературе.

Дмитрий Быков

Леонид Андреев

«Молчание»,
1900

Здравствуйте, дорогие друзья, меня зовут Дмитрий Быков, мы начинаем с вами лекционный цикл «Сто книг двадцатого века». Книги мы решили взять только русские, российские, советские, потому что и собственную-то литературу мы плоховато знаем, и надо сначала, видимо, стряхнуть с неё пыль веков, а потом уже интересоваться мировой. Тем более что мировая на сегодняшних магазинных полках и так преобладает.

Начать мы решили с последнего года девятнадцатого столетия, с тысяча девятисотого года, с которого, собственно, и началось многое главное в русской литературе. Получилось так, что этот год на великие произведения скудноват. И даже больше того, вот как раз в этом году Чехов написал известное своё письмо консервативно-православному публицисту Меньшикову: «Когда в литературе есть Толстой, то легко и приятно быть литератором; даже сознавать, что ничего не сделал и не делаешь, не так страшно, так как Толстой делает за всех. Его деятельность служит оправданием тех упований и чаяний, какие на литературу возлагаются». Как раз в это время только что закончилась работа Толстого над «Живым трупом», только что закончилась в «Ниве» публикация «Воскресения», и в результате действительно Толстой как бы выкупил собой всю русскую литературу. Она в девятисотом году произвела очень мало. Горький начал пи-

сать, в общем, не слишком удачный роман «Трое», Куприн напечатал несколько довольно проходных вещей, но именно с тысяча девятисотого года началась слава главного русского писателя, главного русского прозаика Серебряного века Леонида Андреева, который написал в этом году рассказ «Молчание».

И вот первое чтение этого рассказа в кружке «Среда». Сам Андреев боялся его читать, сослался на хрипоту, и прочёл его Горький. Вот именно с этой тетрадки началась, наверное, русская готика. Началось всё самое страшное и увлекательное в русской литературе двадцатого века.

«Молчание» — название очень неслучайное. Нужно сказать, что вообще периоды переломов, ожиданий русская литература всегда переносит очень плохо. Можно проследить несколько этапов, когда ей всё удаётся. Для неё совершенно оптимальна, например, ситуация долгого застоя. Во время застоя она расцветает необычайно пышно, как в Серебряном веке. Для неё хороша ситуация экстремума, ситуация войны, когда она в ответ на опасность сразу взрывается как-то очень резко, как мы увидим в литературе сороковых годов. Но вот чего русская литература и, кстати говоря, русский человек не переносит совершенно, так это ситуацию ожидания, ситуацию мрачного предчувствия. Это ощущение всегда порождает молчание. Не случайно сложилась русская поговорка «Ждать да догонять — нет хуже». И вот ждать — этого мы совершенно не умеем, не любим, не переносим, и действительно, кто страдает заранее, тот страдает дважды.

Тысяча девятисотый год — это ситуация надежд, безусловно, но прежде всего страхов. Страхов и тревог. Потому что новое царствование началось плохо. Оно началось Ходынкой, оно началось знаменитой оговоркой в речи про бессмысленные мечтания вместо беспочвенных мечтаний. Началось оно сильным социальным и международным напряжением. В общем, понятно, что времена довольно апокалиптические, ничего особенно хорошего никто не ждёт. И вот в этот момент Леонид Андреев, юрист по образованию, уроженец Орла, человек необычайно яркого

таланта, пока ещё не признанного, пишет свой рассказ, основанный на истинном происшествии. В Орле был священник, отец Андрей Казанский, который, кстати говоря, самого Андреева и крестил. Мы не будем сейчас расписывать подробно отношения Андреева с верой, хотя, наверное, стоило бы сказать, что Андреев не просто отец Даниила Андреева, главного религиозного провидца двадцатого века, но это человек довольно интенсивного религиозного вопрошания. Достаточно вспомнить его повесть «Житие Василия Фивейского». Только вера его очень своеобразна. Андреев не хвалит бога, не благодарит бога, Андреев всё время предъявляет ему счёт. Создаётся впечатление, что бог нужен Андрееву только для того, чтобы было с кого спросить: «За что?» Вот за что все эти страдания? За что страдает Василий Фивейский, за что утонул его сын, за что сошла с ума его жена, там, за что, собственно, другой его сын родился идиотом? Почему? За что? Чем мы все провинились? Вот эта интонация гневного вопрошания — она для Андреева типична, но это, конечно, религиозность, только своеобразно понятая. Так вот отец Андрей Казанский, который Андреева крестил и которого в городе очень не любили за жадность, за жестокость, он пережил, наверное, тягчайшее событие в жизни священника: его дочь покончила с собой. Самоубийство и так-то считается страшным грехом, а если это происходит в семье священника, это сопоставимо вообще с проклятием, с клеймом. И вот эту историю из жизни Андрея Казанского Андреев описывает в готическом духе.

Здесь нам надо попытаться понять, что такое вообще готика. У нас называют готическим всё что угодно. Не просто гота: благополучного человека, который решил носить чёрное и ночами, допустим, ходить на мрачные заброшенные предприятия. Нет, готом у нас называют и Стивена Кинга, готическим автором, готическим, готиченьким называют у нас любой пессимизм, любое разочарование среднего класса, выгнанного неожиданно с работы. На самом деле готика, во всяком случае в литературе, — понятие гораздо более глубокое. У нас, по сути дела, один готический писа-

тель — это Леонид Андреев. В чём уверен носитель готического направления, человек из готического романа, автор его или герой? Дело в том, что для человека такого взгляда это полная уверенность, что за пределами жизни, вне жизни, нам данной в ощущении, начинается сплошной кошмар. Что наша жизнь — это крошечное светлое пятно в огромном океане мрака и безнадёжности. Что за жизнью нас ожидает проклятие, отвращение, нет никакого бога, есть какие-то гораздо более страшные силы, если бог где-то есть, то он здесь, а вокруг лежит ад, совершенно безнадёжный, ледяная пустыня. Вот это мироощущение готическое. Мир погружен глубоко во зло. Очень трудно назвать автора, который бы этому следовал. Эдгар По, например, готический писатель, для которого всё время мир полон непознаваемого ужаса, который к нам сюда какими-то языками чёрного пламени периодически прорывается. **И «Молчание» — самый готический рассказ Андреева, потому что там ничто не получает объяснения.** Там вот такая история. Есть священник, вроде бы его семейная жизнь благополучна, есть у него дочь Вера, что очень важно, и вот эта Вера неожиданно замолкает. Она перестаёт отвечать отцу и матери, она перестаёт разговаривать вообще, большую часть времени она лежит у себя на кушетке на втором этаже и никак не контактирует с окружающими. Врач ничего не может сделать, приглашают светил, никто ничего не может сделать, она лежит. Иногда она вяло односложно отвечает, что у неё ничего не болит, что она ничего не скажет; что с ней произошло, мы не узнаём. А, строго говоря, это у Андреева такой привет, переданный, конечно, Тургеневу, другому великому орловцу, и его «Рассказу отца Алексея». Где тоже сын священника, что очень важно, сходит с ума и отвергает причастие. Выплёвывает причастие после того, как ему в лесу встретился какой-то странный человек и дал ему поесть орешков. Типичный случай клинического безумия, который поразил семью священника. Но у Андреева ведь вот что важно: мы не знаем, что произошло с Верой. Все думают, что это несчастная любовь, а может, это какой-то мировоззренческий перелом, а может, это какой-то

душевный переворот, а может, это депрессия, по-научному говоря, эндогенная, которая приходит ниоткуда, сама себя порождает. Так или иначе через два месяца после начала болезни Вера, точно так же никому ни слова не сказав, уходит из дома и гибнет под поездом. Это очевидное самоубийство. После этого паралич настигает жену этого священника, она лежит тоже молча, лежит страшно, не в силах ничего сказать. Даже канарейка улетела. В доме не раздаётся ни единого звука — молчание накрывает весь дом. Иногда он ходит на могилу к дочери. После её самоубийства он сначала проклял её, отрёкся, потому что это смертный грех, а потом он всё-таки пересиливает себя, ходит на могилу, бросается на неё, и среди вот этого бесшумного, что очень важно, тягучего летнего полдня он лежит на её могиле и спрашивает, спрашивает, что произошло. И дальше начинается стилистическое чудо Леонида Андреева, кульминация рассказа, за которую, хочется думать, Толстой и поставил этому рассказу пятёрку. У Толстого была несколько такая школьническая, учительская привычка ставить особенно понравившимся ему рассказам пятёрки. И вот он поставил Андрееву единственную пятёрку, потому что вообще он его недолюбливал. Здесь есть, конечно, невероятное стилистическое чудо. Что происходит на кладбище? Священник чувствует, что какие-то страшные ледяные волны перекатываются через него, он чувствует, что идёт какая-то молчаливая неподвижная буря, но если бы эту бурю стало видно, если бы она каким-то образом визуализировалась, она бы смела весь мир. Он чувствует, что в ответ на его вопросы он слышит молчание бога, молчание мира, но не тишину. Вот если бы Вера молчала, то это было бы не страшно, это она так говорит. Он слышит молчание демонстративное, почти презрительное, он слышит, что бог отвернулся, что он не хочет больше говорить, и это молчание заполняет мир вокруг него. Надо вообще обладать талантом Леонида Андреева, чтобы жаркий летний полдень так описать, чтобы читателя подрал мороз по спине. Мы же привыкли, что обычно летний полдень полон звуков: сверчки трещат, кузнечики стрекочут, бабочки летают, птич-

ки поют, ветер шумит в ветвях, всё время что-то происходит, мёдом пахнет, природа торжествует. А вот Андреев описывает это в рассказе как страшное ледяное безмолвие мира, в котором не слышно человеческого голоса, и вот это молчание веры, вспомним, что дочь священника зовут Верой, это молчание стало главным звуком двадцатого века. Во всяком случае, в русской литературе, потому что бог молчит, бог не хочет человека, не хочет разговаривать с ним.

Эта тема богоотверженности с Андреевым входит в литературу. Реакция на рассказ оказалась довольно занятной. **К Андрееву русская литература была страшно неблагодарной. Это лишний раз нам доказывает, что она чудовищно богата. Лучшего своего драматурга, уж здесь у него точно нет конкурентов, и одного из самых сильных прозаиков, наделённого вдобавок и кучей других талантов: и сценическим, и рисовал он прекрасно, и фотографировал, и архитектурой увлекался — всё умел. Вот этого человека русская литература гнобила с каким-то удивительным постоянством.** Андреева все читали, он был страшно популярен, один герой Бунина в «Качелях» говорит: «Я красив, как Леонид Андреев», это для него самый большой комплимент. Фотографии его расходятся, за автографами его охотятся, но вот что удивительно: мало кого русская критика ненавидела с таким упорством, мало на кого так обрушивались рецензенты, и театральные и художественные, всегда, после любой премьеры мало кого осыпали такой бранью. Когда-то всю эту хулу в своей статье Корней Чуковский, друг Андреева, выписал и поразился, какой площадной тон господствует в разговорах об Андрееве, чем объяснить такую дружную ненависть. Андреев, конечно, очень болезненно на это реагируя, всегда отшучивался. Он говорил: «Ну, если бы не замечали, было бы гораздо хуже». Более того, он и сам о своих произведениях отзывался полупрезрительно, говорил: «Будьте любезны, не читайте “Бездны”». Самый нашумевший и самый ругаемый рассказ. Многие считал у себя неудачным, что говорить. Но, конечно, его это ранило невероятно глубоко. Неслучайно

один из немногих записанных в его исполнении голосовых фрагментов — это такой страстный монолог о критике, где он говорит о злобе и непонимании как постоянном фоне писательской жизни.

В чём же проблема? Я думаю, проблема в том же, как говорила Ахматова: «Он к самой чёрной прикоснулся язве, но исцелить её не мог». Она это говорила о двадцатом веке в целом, но применительно к Андрееву это тоже верно. Андреев действительно прикасается к самой чёрной язве: к одиночеству, к страху, к нашей подспудной черноте. Знаете, когда кому-то из нас случается, такое бывает, проводить ночь в одиночестве, мы понимаем, каким ужасом и отчаянием окружена человеческая жизнь. По какой тонкой плёнке мы ходим, как легко провалиться в нищету, в одиночество, в безумие, как это всегда рядом. И вот за то, что нам Андреев об этом напоминает, мы его ненавидим. Если бы он это исцелял, если бы он помогал это преодолеть! Но он с этим резонирует, он пишет об этом с такой исчерпывающей точностью, что мы это узнаём, а легче нам не становится. Нам не становится легче после «Рассказа о семи повешенных», нам не становится легче после «Большого шлема», после «Тьмы». О чём бы Андреев ни говорил, а он иногда шутит, шутит так мрачно, что после этого вообще на людей смотреть не хочется. В общем, он невероятно точен в изображении самого болезненного, но, как выясняется вдруг, такая точность не помогает. Даже когда мы читаем, наверное, самую сильную его драму. К сожалению, мы сейчас лишены возможности её посмотреть, хотя она очень сценична.

Никто не берётся поставить «Жизнь человека», гениальную панпсихическую пьесу, панпсихическую потому, что действие её происходит в человеческом разуме, среди абстракции. Когда мы читаем эту великую символическую драму, мы поражаемся точности узнавания, точности наших ощущений, мы именно так воспринимаем и собственную молодость, и собственный расцвет, и собственный неизбежный, увы, упадок. Всё невероятно точно, но эта точность ничего не окупает. Даже ближайший друг Андреева, который,